

Какъ Вы стали писателемъ?

Анкета „Иллюстрированной Россіи“ среди русскихъ писателей

М. А. Алдановъ

Первой моей книгой былъ трудъ по химії подъ длиннымъ заглавіемъ: «Законы распределенія вещества между двумя растворителями». Напечаталъ ее въ 1911 году университетъ, наградившій меня золотой медалью. Въ послѣдовавшии затѣмъ три года я помѣстилъ немало научныхъ статей въ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ химическихъ журналахъ.

Всѣмъ извѣстно странное, смутное, тревожно - радостное ощущеніе, которое испытываетъ авторъ, впервые читая свое произведеніе въ печатномъ видѣ: вѣдь между рукописью и печатнымъ текстомъ цѣлая пропасть (ставшая, правда, менѣе глубокой со временемъ изобрѣтенія пишущихъ машинъ). Но, вслѣдствіе сказанного выше, моя первая не-химическая книга мнѣ такого ощущенія не дала: уже была привычка къ корректурѣ, къ гранкамъ, къ версткѣ. Книга эта «Толстой и Ролланъ» была написана мною въ 1913 году въ свободное отъ лабораторной работы время и появилась въ Петербургѣ въ изданіи «Энергіи». Напечаталъ я ее, впрочемъ, на свой счетъ, издательство лишь «даѣо фирмъ».

Неожиданно для меня, на долю этой книги выпалъ успѣхъ. Помню утро: я зашелъ въ кофейню, заказалъ кофе и развернулъ свѣжій номеръ «Рѣчи». Тамъ была длинная, чрезвычайно лестная рецензія покойнаго Ю. И. Айхенвальда (съ которыми я познакомился лишь много позднѣе). Честно говорю: это была одна изъ лучшихъ радостей, выпадавшихъ на мою долю въ жизни. До того я встрѣчалъ упоминаніе о себѣ въ научной пе-

чати, велъ даже на страницахъ Французской Академіи Наукъ споръ съ профессоромъ Бергеломъ. Но, разумѣется, ни въ какое сравненіе съ ощущеніемъ отъ первой лестной литературной рецензіи это идти не можетъ.

Зато, пожалуй, еще острѣе впечатлѣніе отъ первой нелестной рецензіи; ее обо мнѣ написалъ (о той же книгѣ) Чешинъ - Вѣтринскій. Не могу безъ улыбки вспомнить: при встрѣчѣ съ каждымъ знакомымъ я себя спрашивалъ, читалъ ли онъ рецензію Вѣтринскаго.

Романистомъ же я сталъ лишь въ эмиграціи. Но тутъ и вспоминать нечего: привычка вытравляеть сильныя ощущенія очень скоро.

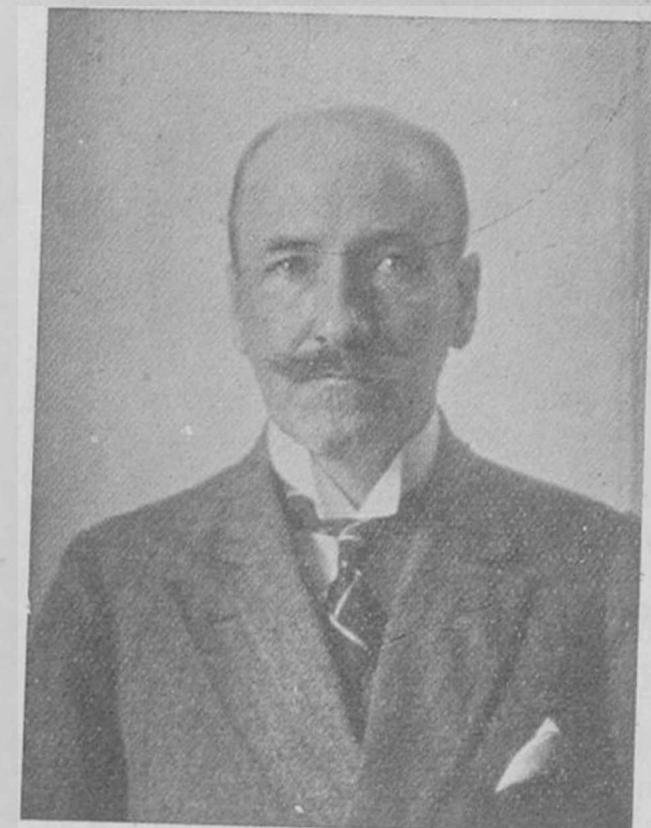
Кн. В. В. Барятинскій

Я, съ самой ранней юности, мечталъ стать писателемъ. Будучи еще кадетомъ старшихъ классовъ Морского Корпуса, сочинялъ пьесы и разсказы. Среди моихъ товарищей былъ Терпигоревъ, сынъ извѣстнаго въ тѣ времена, теперь уже забытаго, писателя Сергея Атавы, автора «Окудѣнія». Это было мое первое знакомство съ представителемъ литературнаго міра: мой товарищъ представилъ меня своему отцу. Черезъ посредство С. Н. Терпигорева - Атавы я познакомился съ Д. В. Григоровичемъ, что явилось для меня настоящимъ событиемъ: лично знать автора «Антона Горемыки» и «Рыбаковъ»!... А мнѣ тогда было лѣтъ семнадцать - восемнадцать... Григоровичъ отнесся ко мнѣ ласково и внимательно, когда я, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился попросить его прочесть мой первый литературный опытъ — комедію въ трехъ дѣйствіяхъ. Комедія эта была, конечно, нескладна, но Григоровичъ нашелъ въ ней какія то смутныя достоинства; въ частности, онъ одобрилъ живость діалога.

Нѣсколько лѣтъ спустя, А. С. Суворинъ говорилъ мнѣ, что Григоровичъ показывалъ ему мое произведеніе. — «Ерунда это была», — смеясь повѣдалъ мнѣ А. С.: «но мы рѣшили, что изъ васъ можетъ выйти прокъ».

Въ то время по всей Европѣ программѣла пьеса, начинавшаго входить въ славу, Арии Лаведана — «Князь д-Орекъ». Ставилась она и въ Петербургѣ на сценѣ Михайловскаго французскаго театра. Григоровичъ былъ отъ нея въ восторгѣ и указалъ мнѣ на нее, какъ на образецъ современной комедіи - сатиры. Попутно, онъ сказалъ, что образцомъ романа считаетъ романъ Бальзака «Отецъ Горю».

Пьесу Лаведана я, само собою разумѣется, немедленно - же пошелъ смотрѣть; она произвела на меня большое впечатлѣніе и, дѣйствительно, научила меня самой техникѣ писанія комедій: умѣнію чередовать въ извѣстномъ порядкѣ отдѣльныя «явленія», группировать на сценѣ дѣйствующихъ

Кн. В. В. БАРЯТИНСКІЙ

лицъ, избѣгать длинныхъ монологовъ и нагроможденія «эффектовъ» и т. п.

Кстати сказать, такую - же поучительную для меня роль сыграла комедія Александра Дюма - сына, «Другъ женщинъ», которую я въ 1895 г., прѣѣхавъ впервые въ Парижъ, увидалъ на сценѣ «Французской Комедіи».

Но все это относится лишь къ робкимъ, юношескимъ шагамъ по пути къ литературной дѣятельности. Первые мои статьи появились въ 1895 г. въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», только что тогда перешедшихъ къ кн. Э. Э. Ухтомскому; но и эти статьи, въ виду ихъ незначительности, я не могу считать за начало моей литературной дѣятельности. Таковыя явились мои сатирические фельетоны, печатавшіеся, за подписью «баронъ Ondit», въ теченіе двухъ лѣтъ (1895 - 97 г. г.) въ «Новомъ Времени»; они были изданы впослѣдствіи отдѣльнымъ сборникомъ подъ общимъ заглавіемъ — «Потомки».

Первые - же мои драматическія произведенія - комедіи «Перекаты» и «Карьера Наблоцкаго» были представлены зимию 1901 - 1902 г. г. въ Петербургѣ на сценѣ «Нового Театра».

Г. Д. Гребенщиковъ

Г. Гребенщиковъ, сынъ крестьянина, шахтера на Иртышскихъ рудникахъ, уроженецъ таежной деревни Сибири, сталъ большимъ русскимъ писателемъ и творчествомъ своимъ показалъ, какъ духовно богатъ и плодоносенъ русскій народъ. Его талантъ не знаетъ преемственной культурной шлифовки ряда поколѣній. Онъ самъ себѣ литературный родоначальникъ.

Росъ онъ въ волюющей бѣдности и въ

М. А. АЛДАНОВЪ

Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

жизнь вступила с той грамотой, которой научила его мать, сама - то умевшая кое-как читать и писать.

Любознательный, энергичный юноша, не удовлетворился удъломъ подмастерья у деревенского сапожника, рѣшилъ «выти въ люди» и, когда ему минуло 16 лѣтъ, ушелъ въ гор. Семипалатинскъ, гдѣ поступилъ фельдшеренкомъ въ городскую больницу. На него обратилъ внимание докторъ, даваль читать книжки. Гребенщиковъ всѣ свои свободные часы отдавалъ самообразованію, членію, сталъ писать въ прозѣ и стихахъ, и черезъ 4 года рассказы его стали появляться въ сибирскихъ газетахъ.

Въ 1910 г. Гребенщиковъ издалъ свою первую книгу — поэму «Киргизъ», затѣмъ вышли сборники рассказовъ: «Въ просторахъ Сибири» и «Родникъ въ пустынѣ».

Во всѣхъ своихъ разсказахъ Гребенщиковъ проявилъ себя тонкимъ художникомъ, съ большимъ подъемомъ искренне, любовно, захватывающе описавшимъ «отверженную Русь», сурово - величавую, раздольную Сибирь и въ то-же время полную человѣколюбія и душевной теплоты.

Затѣмъ Гребенщиковъ въ теченіе семи лѣтъ работалъ надъ романомъ - эпопеей «Чураевы» — вѣцью большого творчества, въ которомъ развертывается глубокая драма русскихъ исканий.

Бор. Зайцевъ

Та, «первая» моя газета называлась «Курьеръ». Помѣщалась въ Московскомъ переулкѣ, близъ Тверской, въ большомъ нарядномъ домѣ. Тамъ - же и типографія. Редакторомъ былъ маленький хромой Фейгинъ, Яковъ Александровичъ. Литературу читалъ Леонидъ Андреевъ. Это были мои заступники. А марксисты Шулятиковъ, Фриче — «враги человѣка».

Никогда не забуду, какъ при мнѣ Фейгинъ прочелъ первую мою вещицу, за своимъ редакціоннымъ столомъ, посмотрѣлъ на меня сквозь пенснѣ, улыбнулся, сказалъ: «Ваша рукопись пойдегъ».

Былъ это очеркъ, строкъ на двѣсти. Когда онъ появился, и я увидѣлъ въ печати свою подпись, то представилось, что земная ось нѣсколько отклонилась, и вообще въ мірозданіи кое что стало по другому.

Цѣлый годъ, однако, не рѣшался идти за гонораромъ — хотя потомъ напечатали еще два - три рассказика. Казалось, скажутъ въ

конторѣ: «Гонораръ? Да вѣдь вы еще студентъ, это просто такъ, изъ любезности напечатано!». Наконецъ, Леонидъ Андреевъ обнадежилъ. Все таки я шелъ со страхомъ.

Контора помѣщалась отдельно, въ Петровскихъ линіяхъ. За рѣшеткой барышня что то писала. Вопросу моему не удивилась. Стала искать въ конторскихъ книгахъ. «За первый разсказъ по три копѣйки строчки, а за остальные по пяти. Распишитесь. Сорокъ пять рублей». И выдала мнѣ гонораръ чистымъ золотомъ. Имперіалами, съ профилемъ Государя.

По тѣмъ временамъ это считалось маленькая плата, для начинающихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ я получалъ во много разъ больше. Но... и пять золотыхъ копѣекъ — это пятьдесятъ сантимовъ!

Торжественно позывало у меня въ карманѣ золото, когда извозчикъ везъ домой. Деньги мнѣ тогда совсѣмъ не были нужны. Но они выражали мою кому — то нужность и веселили.

Б. К. ЗАЙЦЕВЪ

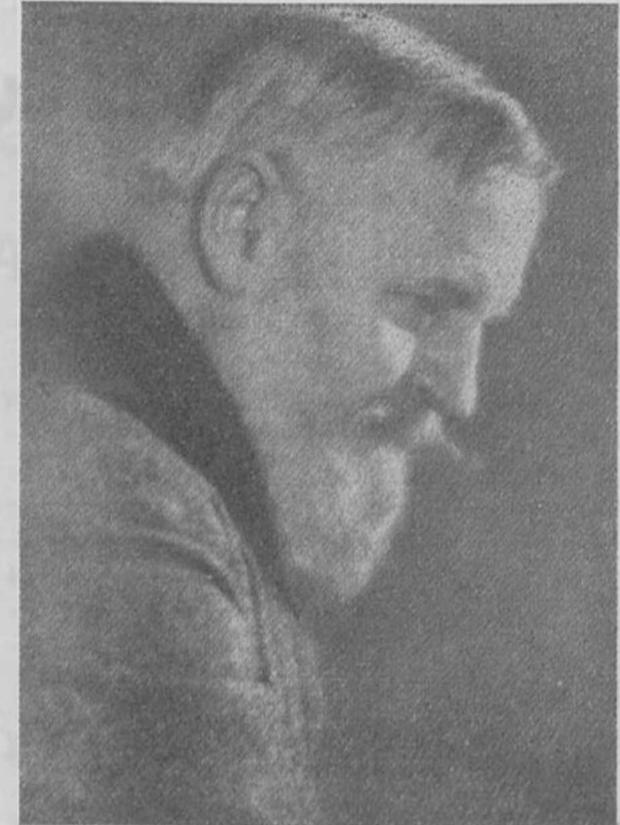
К. А. Коровинъ

Какъ я началъ писать? Какъ на это отвѣтишь?

Былъ я боленъ, живописью заниматься не могъ, лежалъ въ постели. И сталъ писать перомъ — рассказы. Закрывая глаза, я видѣлъ Россію, ея дивную природу, людей русскихъ, любимыхъ мною друзей, чудаковъ, добрыхъ и такъ себѣ — со всячинкой, которыхъ любилъ, изъ которыхъ «иныхъ» ужъ нѣть, а тѣ далече...

И они ожили въ моемъ воображеніи, и мнѣ захотѣлось разсказать о нихъ...

На-дняхъ сѣлъ въ автобусъ АС, вижу — сидитъ знакомый серъезный такой человѣкъ, цѣнитель искусства. Поздоровались издали. Остановка. Онъ вылѣзаетъ, а мнѣ дальшеѣхать. Онъ проходитъ мимо меня и строго такъ говоритъ: «Теперь лучше» — и слѣзаетъ. Я ему вдогонку кричу: «Ну слава Богу, поздравляю, кланяйтесь». А онъ мнѣ раньше говорилъ — жена у него больна сердцемъ, боялся, не умерла бы. Встрѣтилъ я его вско-

К. А. КОРОВИНЪ

рѣ въ кафѣ и говорю: «Ну вотъ, поправилась супруга ваша?»

Онъ сердито смотрѣтъ на меня и говоритъ:

— Она уже три мѣсяца не встаетъ съ постели, больна.

— Какъ? А вы въ автобусѣ сказали: теперь лучше.

Ну вотъ. Такъ я вамъ сказалъ, что теперь вы пишете лучше, а совсѣмъ не прожену...

Подумайте, какъ вышло нехорошо...

МОЛО

КЛОЧКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ ПРОЛОГЪ

Увы, я немощень и старъ,
Склерозъ, подагра и катаръ....
И духъ мой творческій угасъ,
И дремлетъ старый мой Пегасъ.

Я вспоминаю о быломъ,
Когда онъ прыгать могъ козломъ,
И Муза юная моя
Перепѣвала соловья!

Ахъ, все прошло, какъ въ сладкомъ снѣ...
Тоска въ груди, тоска въ спинѣ...
Я избѣгаю жгучихъ темъ, —
Чтобъ не случилось, — глухъ и нѣмъ.

Вокругъ темно. Невидно зги...
Но... помню первые шаги, —
И, на закатѣ хмурыхъ лѣтъ,
Я на анкету дамъ отвѣть.

І.

«Куда, куда вы удалились,
Златые дни моей весны»,
Очаровательные сны,
Тѣ, что на утрѣ дней приснились.
И въ наши сѣрые гоа
Не снились больше никогда?

LOLO

Писать стихи я началъ рано.
Когда мнѣ было восемь лѣтъ,
Любиль подъ звуки фортепиано
Слагать безхитростный куплетъ
Я былъ влюбленъ въ свою кузину
И вдохновенно восхваляль
Свою любовь, свою «кручину»
И первый балъ, чудесный балъ.

Амура первые уроки,
Стихи о первомъ бальномъ снѣ...
Меланхолическая строки
Еще я помню. Вотъ онѣ:
— «Печально въ думу углубившись,
Сидѣлъ на стулѣ я одинъ
И отказался, извинившись,
Когда мнѣ дали апельсинъ».
Зерно грядущаго недуга, —
Скорбь одинокаго досуга:
«Одинъ на стулѣ...» Тяга къ «ней»...
Задумчивость — моя подруга
«Отъ самыхъ колыбельныхъ дней».

II.

Прошли года. Ишу «дебюта»,
Для музы милаго пріюта.
Пришелъ въ редакцію «Семи»,
Еженедѣльного журнала.
Здѣсь не понравились сначала
Стихи весенніе мои.
Редакторъ мнѣ даетъ картинку:
«Горшки съ цвѣтами»... На горшки
Я настроилъ ему стишки, —
И мой дебютъ летить въ корзинку...
Тернистъ и труденъ къ славѣ путь.
Боюсь на шефа я взглянуть
«Фривольно!» — молвить онъ суроно.
— «Горшокъ» — двусмысленное слово —
Я бормочу ему въ отвѣтъ:
«Прошу мнѣ дать другой сюжетъ».
— «Семью» читаютъ вслухъ при дѣтяхъ.
Вотъ вамъ рисунокъ: «Ночь въ лѣсу».
Воспойте всю ея красу,
Но безъ двусмысленностей этихъ!

Я «Ночь въ лѣсу» домой несусь.
Всю ночь пою ея красу —
И вотъ, мои стихи въ журналѣ...
Рыдають звуки нѣжныхъ струнъ,

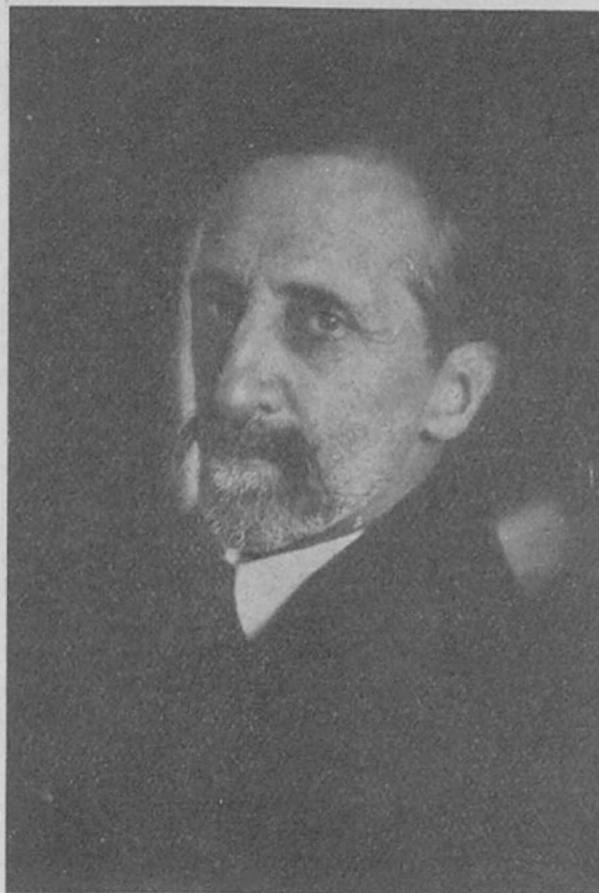
И мнѣ казалось (я былъ юнъ)
Что сразу всѣ меня признали...
И для меня былъ полонъ чаръ
Мой первый скромный гонорарь.

ЭПИЛОГЪ

«Куда, куда вы удалились,
Мои весны златые дни?»
Погасли вешніе огни...
Мы потускнѣли, опустились, —
Мы въ зарубежѣ очутились...
Какъ ночь, грядущее темно...
Зачѣмъ гаданье забавляться?
На свѣтѣ счастье есть одно:
Совсѣмъ на свѣтѣ не появляться!..

P. S. — Я прилагаю мой портретъ.
Со мною — милый песикъ Джеки —
Онъ вѣренъ, преданъ мнѣ на-вѣки.
Такихъ друзей ужъ больше нѣтъ.
Какъ не любить четвероногихъ?
Мой Джеки чуждъ людскихъ страстей —
И ужъ, конечно, лучше многихъ
Цвуногихъ сукиныхъ дѣтей!..

L.

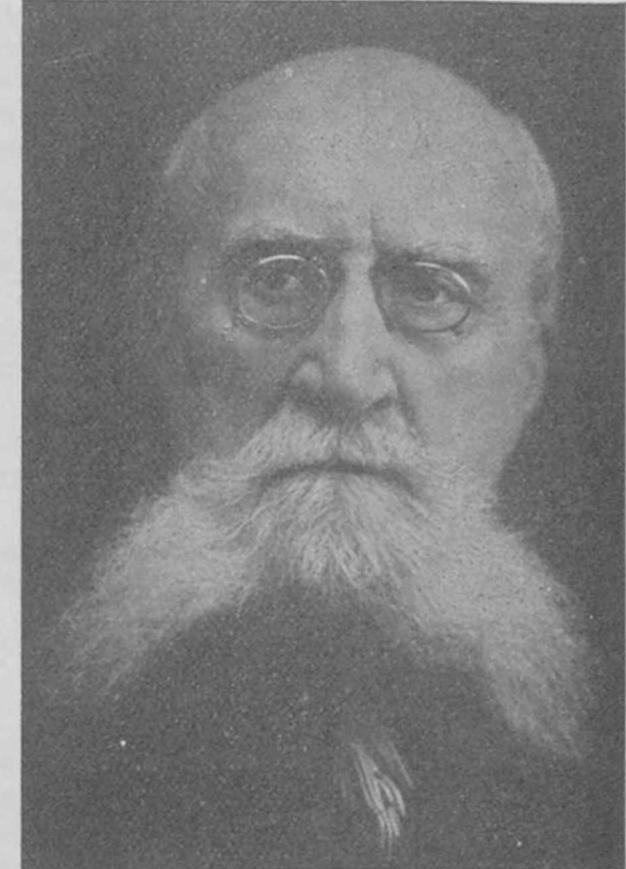
Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

Въ видѣ отвѣта на нашу анкету Д. С. Мережковскій прислалъ намъ автобіографическую замѣтку исключительного интереса.

Вслѣдствіе ея значительного объема, она будетъ напечатана въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала.

Вас. И. Немировичъ-Данченко

Какъ я началъ свое писательство?
Семьдесятъ пять лѣтъ назадъ, а точно
это было вчера. Длинные коридоры Ка-
детскаго корпуса, его громадныя залы и по
нимъ болтается вихрастый мальчуганъ,
складывая рифмованныя строки. Темный
карцеръ — мой первый литературный гоно-
рарь. Будущему Фенимору Куперу — де-
шевле я не соглашался — еще не пробило
пятнадцати лѣтъ. Стихотворить я началъ съ
двѣнадцати. Да простить мнѣ Аполлонъ эти
первые попытки ходить по кремнистой лите-
ратурной дорогѣ. Слава Аллаху, что отъ

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО

нихъ не осталось ни елѣда. Помѣщались
эти строфы въ кадетскихъ рукописныхъ
журналахъ и не мало за нихъ я съѣлъ за-
трещинъ отъ завистливыхъ товарищъ. А
черезъ три года я написалъ свой первый
очеркъ и послалъ его въ журналъ для во-
енно - учебныхъ заведеній. Послалъ и за-
былъ о немъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.
Вдругъ взволнованный дежурный офицеръ,
передъ самымъ обѣдомъ, на всю залу бла-
гимъ матомъ:

— Немировичъ - Данченко!

Съ трудомъ отрываюсь отъ моихъ люби-
мыхъ фоліантовъ «Путешествія Дюмонъ
Д-Юрвіля».

— Что прикажете?

— Къ директору.

Съ чего бы, думаю. Наскоро осмотрѣлся
все ли у меня въ порядкѣ. Генераль осо-
бенно внимательно слѣдилъ, хорошо ли
пришиты гербами вверхъ мѣдныя пуговицы
на мундирахъ и чисты ли ногти.

Большой весь въ книжныхъ шкалахъ ка-
бинетъ. Въ синихъ занавѣсахъ окна. За ни-
ми чудесный садъ. Громадный письменный
столъ. Изъ за него подымается длинная фи-
гура его превосходительства. Глаза строгіе
изъ подъ нахмуренныхъ сѣдыхъ, торчкомъ
бровей, а на губахъ улыбка.

Вытягиваюсь во фронтъ. Руки по швамъ,
глаза въ глаза ему по правиламъ.

— Такъ!

Въ рукахъ у генерала тощая книжка жур-
нала.

— Твое?

Указательный палецъ упирается длин-
нымъ ногтемъ въ заголовокъ какой то ста-
тти.

— Такъ точно, ваше п-во!

Съ удивленіемъ мѣряетъ меня изъ подъ
очковъ съ головы до ногъ.

— Самъ написалъ? Который вамъ (пере-
ходъ на «вы», нельзя же тыкать писателя!)
годъ?

— Въ декабрѣ двадцать четвертаго бу-
детъ пятнадцать.

— Хорошо написано! Очень хорошо!..
Никто не исправлялъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Способный мальчикъ. Очень способный... Двѣ недѣли карцера!.. Ты... Вы должны были испросить у меня дозволенія че-резъ ротнаго командира... Сейчасъ же по-слѣ обѣда. Разрѣшаю взять книги и по-стель, а обѣдать, милости просимъ ко мнѣ. Мои очень заинтересовались вами...

Берегъ меня за плечо, ведетъ въ столо-вую. Какія — то барышни таращутся на смущеннаго малыша. Сѣдая дама — прямо въ мою стриженну голову золотой лорнетъ, пахнетъ вкусно горячими пирожками. У ме-ня сосетъ подъ ложечкой.

— Вотъ вамъ новый поэтъ, получайте...

Послѣ обѣда молоденькая институтка пристала:

— Прочтите стихи... Да вы не краснѣйте. Ничего страшнаго... Я сама пишу. Только скверные. Никакъ рифмъ не могу.

Запинаясь, декламирую.

Немировичъ — вы Пушкинъ.

Я ей не повѣрилъ.

Двѣ недѣли карцера, но въ восхититель-номъ обществѣ Смоллета, Фильдинга, Фе-нимора Купера, Дюмонъ Д-Ювиля.—Пер-вый гонораръ полностью, чего нельзя ска-зать о послѣдующихъ. О тѣхъ, которые черезъ два года значились мнѣ изъ убо-гихъ журнальчиковъ (имена же ихъ ты, Господи, вѣси!) по редакціоннымъ книгамъ, но въ карманы мои не попадали. Тяжкое время, голодное и холодное... Въ петербург-скія зімы иногда на улицахъ или въ засы-панномъ снѣгомъ Александровскомъ пар-кѣ, безъ крова. Этому, впрочемъ, уже по-священы нѣсколько моихъ воспоминаній. Къ счастью, несмотря на полновѣсные де-вяносто лѣтъ, память мнѣ вѣрна. И первые годы этой борьбы я вижу не сквозь закоп-тѣло стекло въ туманной дали прошлаго, а ярко и четко, точно я еще вчера ждалъ и не могъ дождаться, когда зазвонятъ къ за-утренямъ и я смогу обогрѣться въ ми-сти-ческомъ сумракѣ ближайшаго храма. А за-тѣмъ первый мой настоящій успѣхъ у Г. Е. Благосвѣтлова: стихи (псевдонимъ В. Сла-вянскій) въ «Дѣлѣ» и большие очерки у Оксина. И вслѣдъ за тѣмъ «Отечественныя Записки» и «Вѣстникъ Европы» широко от-крываютъ мнѣ свои двери. Массы журналь-чиковъ въ новогоднихъ объявленіяхъ публикуютъ мое имя и тотчасъ же первая эпи-грамма Д. Минаева:

Когда себѣ желаете вы счастья
Вамъ надо объявить не менѣе ста разъ,
Что «Немировичъ — Данченко» у насъ
Не будетъ принимать въ изданіи участья.

Хотѣлось бы еще обо многомъ разсказать читателю, но редакція ограничиваетъ меня обязательнымъ размѣромъ воспоминаній и это не я, а она ставить къ нимъ точку.

Н. А. ТЭФФИ

Какъ я начала свою литературную дѣя-тельность?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо «зарыться въ глубь вѣковъ».

Въ нашей семье всѣ дѣти писали стихи. Писали втайцѣ другъ отъ друга стихи лири-ческие, сочиняли вмѣстѣ стихи юмористиче-сіе, иногда экспромтные.

Помню какъ сейчасъ: входитъ самая стар-шая сестра въ нашу классную комнату и го-воритъ:

— Зубъ завострился, рѣжетъ языкъ.

Другая сестра уловила въ этой фразѣ сти-

Н. А. ТЭФФИ

хотоврный размѣръ, подхватываетъ:

— Къ этакой боли я не привыкъ.
Тотчасъ всѣ настраиваются, оживляются.
— Можно бы воскомъ его залѣчить,
Но какъ же я буду горячее пить?
— спрашиваетъ чай — то голосъ.

— И какъ же я буду говядину жрать? — раздается изъ другого угла.

— Вѣдь не обязаны всѣ меня ждать!
заканчиваетъ тоненѣкій голосокъ младшей сестры.

Стихи сочиняли мы всѣ. Конечно и я.
Но въ первый разъ увидѣла я свое произ-веденіе въ печати, когда мнѣ было лѣтъ тринадцать.

Это была ода, написанная мною на юбилей гимназіи, въ которой я въ то время училась.

Ода была чрезвычайно пышная. Заканчи-валась она словами:

«И пусть грядущимъ поколѣньямъ,
Какъ намъ сіяеть правды свѣтъ.
Здѣсь, въ этомъ храмѣ просвѣщенія,
Еще на много много лѣтъ.

Вотъ этимъ самымъ «храмомъ просвѣщенія» дома донимала меня сестра.

— Надя! Лѣнтийка! Что — же ты не идешь въ свой храмъ просвѣщенія? Тамъ сіяеть правды свѣтъ, а ты сидишь дома! Очень не-красиво съ твоей стороны.

Допекали долго.

Таковъ былъ мой самый первый шагъ на литературномъ поприщѣ.

Второй шагъ былъ таковъ: сочинили мы съ сестрой пресмѣшную пѣсенку о Фуль-скомъ королѣ, пародію на пѣснь Маргариты изъ Фауста.

Рѣшили ее напечатать.

Совсѣмъ сейчасъ не помню, что это была за редакція, куда мы пошли. Помню только, что надъ головой редактора висѣло на стѣнѣ птичье чучело.

Это, поразившее наше воображеніе об-стоятельство, отразилось въ стихахъ:

Надъ редакторомъ висѣло
Птичье чучело
На редактора глядѣло
Глаза пучило.

Стихотворенія нашего редактора не при-нялъ и все спрашивалъ:

«Кто вѣсъ послалъ?». А потомъ, сказалъ: «Передайте, что не годится». Очевидно не вѣрилъ, что двѣ испуганныя дѣвчонки, кото-рыхъ ждала въ передней старая нянюшка и есть авторы.

Таковъ былъ мой второй шагъ.

Третій и окончательный шагъ былъ сдѣланъ, собственно говоря, не мной самой, а если такъ можно выразиться, за меня шагнули.

Взяли мое стихотвореніе и отнесли его въ иллюстрированный журналъ, не говоря мнѣ объ этомъ ни слова. А потомъ принесли номеръ журнала, гдѣ стихотвореніе напечата-но, что очень меня разсердило. Я тогда пе-чататься не хотѣла, потому что одна изъ моихъ старшихъ сестеръ Мирра Лахвицкая уже давно и съ успѣхомъ печатала свои сти-хи. Мнѣ казалось чѣмъ то смѣшнымъ, если всѣ мы полѣземъ въ литературу. Между прочимъ такъ оно и вышло. Кромѣ Мирры (Маріи), другая моя сестра, Варвара, подъ псевдонимомъ Мюргитъ, помѣщала свои очерки въ «Новомъ Времени» а пьесы ея шли въ «Кривомъ Зеркалѣ», а самая млад-шая, Елена, тоже оказалась авторомъ нѣ-сколькихъ талантливыхъ пьесъ, шедшихъ въ разныхъ театрахъ.

Итакъ — я была недовольна. Но когда мнѣ прислали изъ редакціи гонораръ — это произвело на меня самое отрадное впечат-лѣніе. Впечатлѣніе это я пожелала повторить и написала цѣлый фельетонъ въ сти-хахъ, въ которомъ съ веселой беззастѣнчи-востью молодого языка, хватала зубами за самыя торжественные ноги, шествующія по устланному вянущими лаврами пути.

О фельетонѣ заговорили. Кто смѣялся, кто возмущался, кто ликовалъ. Былъ «бумъ». Ре-дакція попросила продолжать. Большая га-зета пригласила сотрудничать. Остальное ясно.

И. С. ШИМЕЛЕВЪ

МОИ ДЕБЮТЫ

Замѣтки оперной пѣвицы

Моя артистическая жизнь — жизнь пѣвицы началась очень рано, и потому я не знаю, не сумѣю сказать, когда и который изъ дебютовъ считать первымъ, — Ихъ было такъ много.

Былъ ли это первый дебютъ, когда я, восьмилѣтнимъ ребенкомъ, провела соло «Травка зеленѣетъ, солнышко блеститъ», стоя на стулѣ, на елкѣ, будучи приготоишкой.

Но овациіи хорошо помню, и мое вѣненіе восьмилѣтняго ребенка тоже помню — были и тогда переживанія артистки.

Слѣдующій дебютъ 15-лѣтней гимназисткой — «Что миѣ жить и тужить» Варламова пѣла на ученическомъ вечерѣ, казалось, въ первый разъ въ жизни предъ публикой.

Дебютъ въ Народномъ домѣ въ Москвѣ на Сергиевской въ прелестномъ театрѣ на окраинѣ. Театрѣ, гдѣ любили по настоящему искусство, работали во имя искусства и откуда вышли лучшіе оперные пѣвицы Россіи. Дебюты въ разныхъ городахъ Россіи.

Каждое первое выступленіе и даже просто каждое выступленіе артиста — пѣвица есть экзаменъ, есть дебютъ. Каждый разъ надо покорять, надо завоевывать, доказывать твоѣ право, твоѣ умѣніе творить и только тотъ артистъ идетъ впередъ, у кого живо это соображеніе колоссальной отвѣтственности — каждый разъ, при каждомъ выступленіи. Поэтому я и не могу писать о моемъ первомъ дебютѣ, потому что вся жизнь активнаго работника искусства — вѣчные экзамены, вѣчные дебюты.

А теперь хочу разсказать одинъ трагикомическій эпизодъ въ театрѣ на моемъ спектаклѣ.

Въ революціонное время, когда насы пылали пѣть въ различные театры въ провинціи, пѣла я однажды для солдатской аудиторіи Розину въ «Севильскомъ Цирюльникѣ».

Въ тотъ періодъ мы часто имѣли дѣло съ аудиторіей, состоявшей исключительно изъ дѣтей или солдатъ. Нѣгъ труднѣе этой публики. Они воспринимаютъ все непосредственно, такъ, какъ видятъ и слышатъ — условного здѣсь ничего не можетъ быть — оно для нихъ непонятно.

Такъ вотъ я пѣла въ Иваново — Вознесенскомъ театрѣ «Севильскаго Цирюльника» для

солдатъ. Спектакль шелъ легко и весело. Во второмъ актѣ я начала свою арію «Въ полуночной тишинѣ» — знаменитую арію для пѣвицы съ большой техникой, которая мнѣ всегда удавалась. Я знала мою публику и считалась съ одной очень важной задачей — ни дѣти, ни солдаты не понимаютъ виртуозной техники въ пѣніи, то, что называемъ мы, русскіе, «которатурой». Во время пѣнія предъ рафинированной и искушенной публикой всего міра, нужно и должно показывать чудеса техники, гаммы, трели и пассажи, и, чѣмъ лучше ихъ дѣлаемъ, тѣмъ больше частіи. Не то предъ дѣтьми и солдатами всѣ искусственные украшенія, всѣ рулалы вызываютъ у нихъ безумный, искреній смѣхъ а у пѣвца, чувство страшной неловкости. Вотъ и пришлось мнѣ въ технической аріи стараться затушевать всѣ черезчуръ блестящія рулады — давать ихъ только въ мѣру.

Начала я арію — все шло гладко, все удавалось. Вдругъ начался въ залѣ тихій шорохъ смѣха, который все больше и больше усиливался по мѣрѣ того, какъ я продолжала мое пѣніе. Я чувствовала, что творится что-то неладное, но не понимала, чѣмъ вызванъ смѣхъ. Мы, артисты, воспитываемся въ дисциплинѣ, что во время спектакля насы не должно ничего смущать.

Но тутъ было хуже. Было то, чего такъ страшно боятся французы. Было то страшное, что называется «быть смѣшнымъ». Толстой въ «Войнѣ и мирѣ» говоритъ, что, когда Наполеонъ подошелъ къ Москвѣ и ждалъ съ напыщеннымъ видомъ депутациіи изъ города, не зная, что всѣ жители покинули городъ и что онъ стоитъ предъ пустой столицей — его маршалы и свита боялись ему сказать обѣ этомъ, что ждать безполезно.

Вотъ это то мое «смѣшное» положеніе и заставило меня покинуть сцену подъ разразившейся безумный смѣхъ моей публики.

Вѣжавъ за кулисы, блѣдная, потрясенная, прежде всего я бросилась къ зеркалу, чтобы посмотретьъ, въ чѣмъ дѣло, въ порядкѣ ли мой костюмъ, мой гримъ. Все было хорошо. Слѣдомъ за мной влетѣлъ встревоженный, взволнованный распорядитель съ вопросомъ, отчего, почему я покинула сцену — остановила оркестръ и дѣйствіе?

— Какъ могу я пѣть, если они такъ хо-

МАРІЯ КУРЕНКО.

чуть, и почему этотъ хохотъ? — плача, спрашивала я.

— Да это же ничего, — смылся распорядитель. — Дѣло въ томъ, что съ самаго начала вашей аріи на сцену вышла кошка, которая живетъ при театрѣ, окруженная котятами, и по мѣрѣ вашего пѣнія, она и котята тихо окружали васъ, точно очарованные вашимъ пѣніемъ.

Я успокоилась и вышла на сцену, гдѣ мнѣ устроили овациіи, видно за мои переживанія, и спектакль благополучно продолжался и окончился, казалось, еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ всегда.

Марія Куренко.

И. С. Шмелевъ

«Какъ вы начали вашу литературную дѣятельность?»

Я уже писалъ обѣ этомъ въ разсказѣ: «Какъ я сталъ писателемъ»: гимназистомъ, сочинилъ я разсказъ «У мельницы» и отнесъ въ «толстый» журналъ — «Русское Обозрѣніе». Черезъ годъ, уже студентомъ, увидалъ свой разсказъ въ журналѣ, — Іюль, 1895 г. — и получилъ первый въ жизни гонораръ, 80 рублей; на нынѣшнія перевести — около 1200 фр.

Но начало моего писательства, если быть вполнѣ точнымъ, надо — бы отнести, кажется, къ 1890 г., — я былъ тогда пятиклассникомъ. Ваня Сахаровъ, сынъ арендатора нашихъ башнъ, — о немъ у меня въ разсказѣ «Какъ я узнавалъ Толстого», — показалъ мнѣ, — на масленицѣ, помню: былъ я у него на блинахъ, — показалъ мнѣ юмористический журналъ «Будильникъ». Тамъ было написано: кто принесетъ лучшія двѣ строчки стишковъ о «Будильникѣ», тому дадутъ премію — 10 рублей. Были и еще двѣ преміи:

5 и 3 р. Ваня мнѣ и предложилъ: «давайте сочинимъ?». Онъ много сочинялъ. И показалъ мнѣ, уже готовое, что — то, вродѣ, — «журналь» — не для потѣхи: всѣмъ достается на орѣхъ. Мнѣ понравилось. Дома я сочинилъ такіе стишкі: «Буди, буди, буди, «Будильникъ», Чтобъ жизнь была, а не могильникъ». Мы послали и стали ждать. Ждали долго. Вдругъ, приѣгаѣтъ Ваня и кричитъ: «Вы — Злое Перо», по псевдониму, и вотъ, «Злому Перу», въ журналѣ напечатано!. И мы прочитали, — духъ у меня перехватило! — прочитали: «Дали бы второй призъ, и уже присудили, но!..» — помню я это «но», съ восклицаніемъ и многими точками, — «но!.. по независящемъ отъ насы причинамъ стишкі уснули могильнымъ сномъ, и какъ мы ни старались пробудить ихъ къ жизни, они неумолимы». Какая-то чепуха! Я махнула рукой но Ваня Сахаровъ отправился въ «Будильникъ», назвался «Злымъ Перомъ», и его тамъ встрѣтили съ почетомъ: угостили папирской, — онъ былъ парень рослый, — сказали: «стишкі скончались, послѣ крестинъ», — и показали гран-

ку: «можете полюбоваться!». Онъ увидалъ мои стишкі и на нихъ красный косой крестъ, чернилами; а подъ стишками написано краснымъ же: «Не «могильникъ» наша жизнь, а Божій даръ!!!» — три знака восклицанія, и что — то вродѣ извивающейся змѣи, — подпись? — «Бились — хлопотали, — говорятъ, — но цензоръ остался неумолимъ». И подарили на память гранку. Я посмотрѣла на сѣрую длинную бумагу, удивился и возгордился: на такой длинной бумагѣ только одни мои стишкі, двѣ строчки! Ваня Сахаровъ выпросилъ у меня эту бумагу: «Я, говорить, ее въ рамочкѣ повѣшу подъ стеклышкомъ, подари-те!». Я подарила. Потомъ видѣла ее въ рамочкѣ, рядомъ съ портретомъ Толстого. Это мое «начало» вскорѣ сгорѣло въ пожарѣ вмѣстѣ съ Ваниной библіотекой и съ его знаменитымъ сочиненіемъ «Страшный Цѣпи — Оковы», которое «читалъ самъ Толстой», если вѣриить Ванѣ. Исторія со стишками меня раззадорила, я попробовала дальше, написала одну штуку... но и ее перекрестьилъ цензоръ. Обѣ этомъ какъ — нибудь разскажу.

Редакція и сотрудники

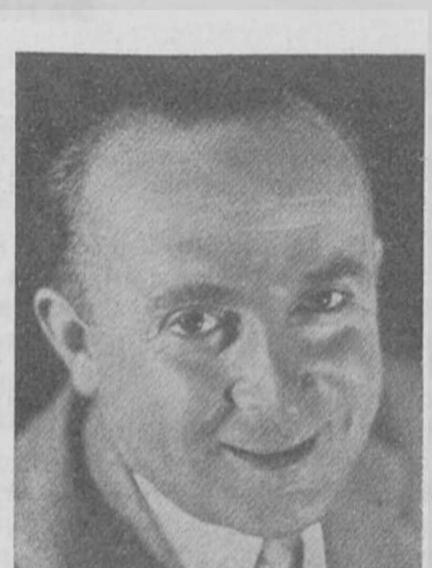
Г. В. АДАМОВИЧЪ

В. А. АЗОВЪ

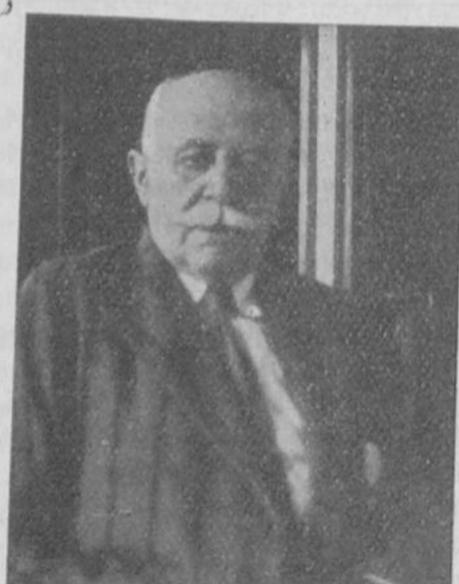
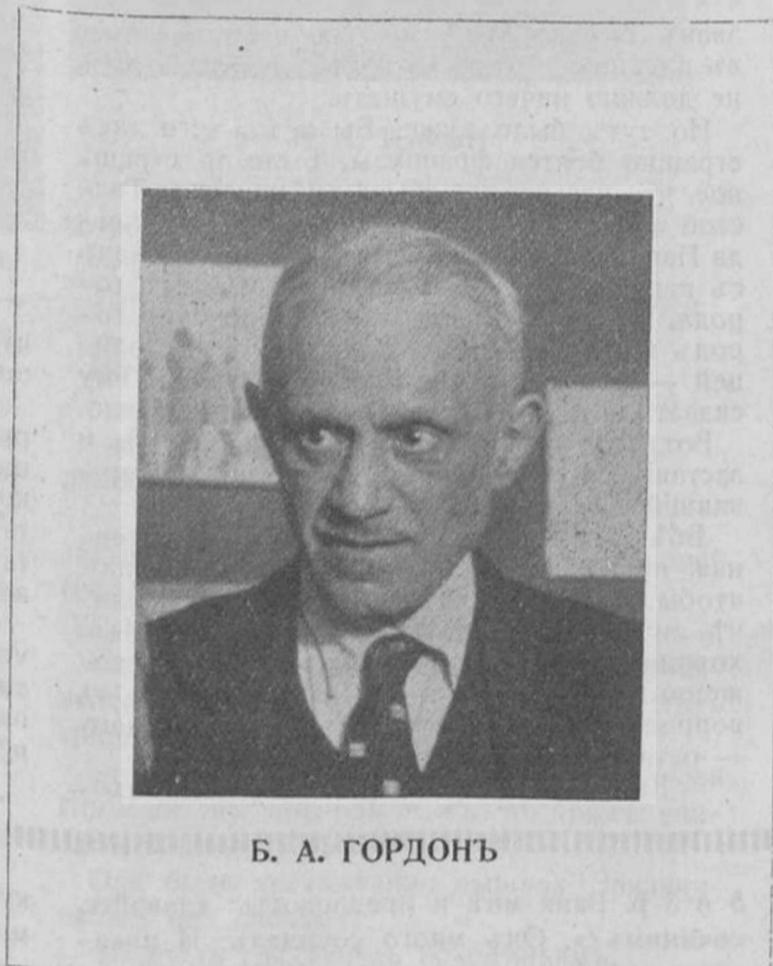
Н. Н. БРЕШКО - БРЕШКОВСКИЙ

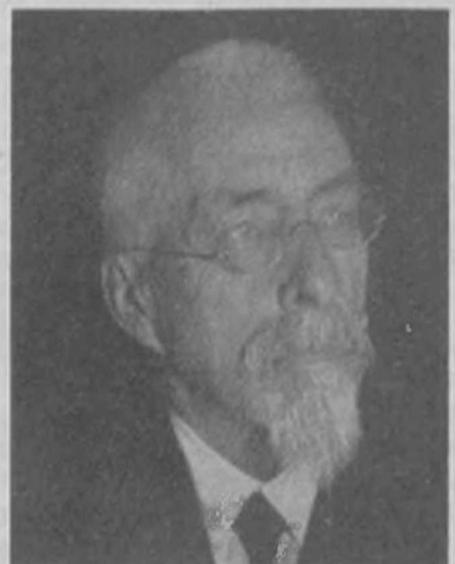
М. Л. БРОДСКИЙ

А. П. БУРОВЪ

Л. Ф. ВОЛЬКЕНШТЕЙНЪ

В. Л. БУРЦЕВЪ

А. А. ГЕФТЕРЪ

З. Н. ГИППУСЪ

В. ГУЩИКЪ

В. М. ДЕСПОТУЛИ

А. А. КАШИНА - ЕВРЕИНОВА

„Иллюстрированной России“

А. П. ЛУКИНЪ

МАД

А. П. МАТВѢЕВЪ

Г. В. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО

П. ПИЛЬСКИЙ

Н. РЫБИНСКИЙ

А. СѢДЫХЪ

Е. В. ТАРУССКИЙ

ГЛАВНАЯ КОНТОРА въ ПАРИЖЪ

Домъ на 24, rue Clément - Marot, въ Парижѣ, въ которомъ помѣщается редакція и главная контора журнала

Слѣва, въ верхн. ряду: Д. К. Овденко, Б. И. Виноградскій, П. Калягинъ, Н. Н. Черничинъ. Нижній рядъ: И. В. Авдіевъ, И. И. Скроцкій, П. С. Ширскій и Р. С. Левенсонъ.

Фото Бродскаго.

LA RUSSIE ILLUSTREE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССИЯ

8 декабря 1934 г.

юбилейный

500-ой номер

№ 50 (500)

8 декабря 1934 г.

Цѣна отд. № 3 франка.

11-й годъ изданія

Основ. М. П. Мироновъ

Редакція и Гл. Контора

24, Rue Clément-Marot

PARIS (8°)

Tél. Balzac 19-52

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

№ 50 (500)

8 decembre 1934.

Prix du numéro: 3 fr

11e année.

M. Mironoff, fondateur

Rédaction

et Administration

24, Rue Clément-Marot

PARIS (8°)

Tél. Balzac 19-52

Вниманію нашихъ читателей, покупающихъ «ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ РОССІЮ» въ кіоскахъ. Покупая, вы много переплачиваете. Подпишитесь съ разсрочкой, вамъ доставятъ на домъ, и обойдется много ДЕШЕВЛЕ.
(Условія подписки см. на стр. 24).

Ив. Шмелевъ

Какъ я покорилъ нѣмца

РАЗСКАЗЪ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ

Раздавая намъ бальники за 2-ю пересадку, «Воронья Головка» насмѣшило закончилъ: «и 27-ой, по-слѣдній... родителямъ на утѣшеніе, рѣшительно развратившійся лѣнтий....» — и пустилъ въ еромъ черезъ весь классъ, ко мнѣ. Бальникъ мѣтко попалъ мнѣ въ руки, и жирное «27» неотвратимо удостовѣрило, что я рѣшительно развратился.

— Не всѣмъ, конечно, быть Соколовыми... сколько кому отпущенено... — продолжалъ «Воронья Головка» долбить меня носомъ въ голову, — но могъ бы и постараться... хотя бы пред-послѣднимъ!..

— Захотѣлъ бы — и первымъ быль! — вызывающе крикнулъ я.

При общемъ смѣхѣ, надзиратель пригрозилъ вызвать меня на воскресенье.

Ничего удивительного не было: я не училъ уроковъ, читалъ запоемъ и писалъ историческій романъ изъ жизни XVI вѣка. Романъ начинался такъ:

«Зима 1567 г. выдалась лютая, какой не запомнятъ старожилы: налѣту замерзали галки. Въ одинъ изъ дней января, когда термометръ показывалъ 40 гр. мороза, по сугробамъ Замоскворѣчья пробирался вершникъ съ притороченной у сѣдла собачьей головой и метлой. Читатель догадывается, что это былъ опричникъ. Встрѣчные шарахались въ подворотни, а почуявшіе запахъ собрата псы яростно завывали по дворамъ...».

Дома сестра сказала ужаснымъ шопотомъ:

— Боже мой, ка-акъ ты па-аль!..

И начала наставлѣніе о выработкѣ характера, иначе я потеряю уваженіе окружающихъ и докачусь до Хитрова рынка, какъ Евтуховъ, стоящій въ опоркахъ у Никиты Мученика, противъ Межевого Института, который онъ окончилъ съ золотой медалью! Я сказалъ, что вотъ же, и съ золотой медалью... Но она не дала сказать:

— Да... но съ тобой будетъ еще хуже! Ты превратишься въ жулика и, можетъ быть, даже въ каторжника!..

Я представилъ себѣ, какъ меня гонятъ по Владиміркѣ, въ кандалахъ, и всѣ грустно качаютъ головами: «и за что пропалъ! изъ-за какихъ-то аористовъ и «пиѳагоровыхъ штановъ!». Въ заключеніе, она велѣла мнѣ прочесть книги, которыя меня подымутъ, — знаетъ по опыту: «Характеръ», «Самодѣятельность» и «Трудъ» — Смайльса. Я прочиталъ ихъ залпомъ. Она не повѣрила и стала спрашивать. Я отхватилъ ей примѣры, какъ люди погибали, но, выработавъ волю и характеръ, поднимались на высоты славы. Она смягчилась:

— То-никъ... если ты только захочешь, ты не только не погибнешь, а сдѣлаешься человѣкомъ и полезнымъ членомъ общества. Ну, постараися за 3-ю пересадку... ну, хоть 15-мъ!..

Я сказалъ, что буду 10-мъ даже, только трудно по математикѣ, и еще съ этимъ проклятымъ нѣмцемъ, который мнѣ никогда не ставить больше двойки. Она сказала, что по математикѣ мнѣ наймутъ репетитора, а по-нѣмецки займется она сама. Она, сама?!. Она начнетъ съ самаго начала, по Кайзеру... съ «рычаніе льва устрашаетъ человѣка!»...

— Да, мы начнемъ съ самаго начала,

за всѣ классы, и ты увидишь! А это твое маранье... — и она показала мнѣ тетрадку съ моимъ романомъ, — помни: я изорву въ клочки, если ты не поправишься.

Я поклялся, что буду даже 8-мъ, — «только, ради Бога, не разорви!..».

Зять, межевой, привезъ инженера Евтухова, прямо отъ Никиты Мученика, велѣлъ сводить въ баню, попрощаться, — «и за четвертной этотъ геній сдѣлаетъ изъ него самого Лобачевскаго!». Смущенный, я смотрѣлъ на смущенаго тоже Евтухова: этотъ, низенький и широкій, въ опоркахъ, съ клочьями ваты, вылезавшей изъ грязной кацавейки, съ напухшими глазами, головастый, курносый, лысый, похожій на Сократа... — инженеръ, съ золотой медалью? ге-ній?!

Начальъ онъ непонятно, съ самаго труда: съ «задачи о курьерахъ». Я взмолился, но онъ прохрипѣлъ мрачно: «это моя система! я поташу тебя въ необъятныя сферы мысли, и ты познаешь великое блаженство!». Я смотрѣлъ на его необъятный лобъ, на которомъ дышала жила, въ видѣ алгебраического знака — радикала.

И онъ такъ поташилъ меня, что математика стала для меня блаженствомъ.

— Жизнь..., — хрипѣлъ онъ, обдавая меня застрявшимъ въ немъ духомъ перегара, — грязь и свинство. Уйдемъ изъ нея въ необъятныя сферы мысли! — тыкалъ онъ въ воздухъ циркулемъ. — Ка-

МАЛОКРОВІЕ

НЕВРАСТЕНІЯ, СЛАВОСТЬ

Сиропъ ДЕШЬЕНЪ на гемоглобинъ
озстановитель крови, рекоменд. луч. врач